

Суббота : День шестой, продолжение...

Время, казалось, застыло, когда Усаги и Мамору устали на дверь ее комнаты, как на живого человека. Нет. Это был не живой человек, но с другой стороны был живой человек. Была ли это ее мать, ее отец, ее младший брат?

Неважно, кто это! Я не должен быть здесь! — лихорадочно подумал Мамору, быстро закрыв блокнот и положив его на колени Усаги, осматривая ее комнату в поисках места, где можно спрятаться. Его взгляд остановился на ее шкафу, и он бросился к нему.

Застывшее внимание Усаги к своей двери вернулось к реальности, когда она почувствовала, как Мамору положил блокнот ей на колени. Она быстро засунула свои леденцы от кашля под одеяло и положила блокнот обратно на тумбочку, но потом передумала и решила положить его на тумбочку.

Она схватила блокнот, наклонилась и открыла ящик, и увидела две прекрасные розы, подаренные ей Мамору. Она тут же вспомнила, что роза лежит у нее за ухом, и быстро положила ее к остальным, подсунув под них свой блокнот, чтобы они не раздавились. Затем так же быстро, как она положила блокнот в ящик, она выхватила его обратно и захлопнула ящик как раз в тот момент, когда ее дверь открылась, чтобы показать ее отца.

Она была так взволнована и пыталась избавиться от улики, которые доказывали бы, что она не одна, что почти забыла, что ей нужно что-то, чтобы выглядело так, будто она что-то делает, а не сидит с виноватым видом.

«О! Ты еще не спишь. Ну, я просто хотел проверить тебя перед тем, как мы с твоей мамой пойдем спать». Она услышала, как сказал отец, и ей пришлось заставить себя не отводить взгляд от шкафа.

Комната была пуста к тому времени, когда ее глаза метнулись к открывающейся двери, поэтому она знала, что Мамору забрался внутрь среди ее одежды. Она посмотрела в свою записную книжку и открыла страницу, которую использовала в последний раз, когда ее отец разговаривал с ней, чтобы занять себя чем-нибудь, поскольку, хотя она и заставляла себя, ей было трудно отвести взгляд от нее. шкаф.

"Есть что-нибудь, что вы хотите, чтобы я получил для вас?" Она услышала, как он продолжил, вслепую схватившись за ручку, не веря своим глазам, что они не сбиваются с курса.

Нет. В данный момент я ничего не могу придумать. Если я еще не сплю и подумаю о чем-то позже, я просто сделаю это сам. Спасибо папа . Она написала и передала блокнот отцу, когда наконец позволила себе поднять глаза, чтобы посмотреть, как он читает.

«Хорошо. Что ж, если вы решите, что вам что-то нужно, и у вас возникнут проблемы, не стесняйтесь, разбудите нас, хорошо». Она услышала, как отец сказал, возвращая ей блокнот.

Она кивнула и улыбнулась ему. "Доброй ночи." Она услышала, как отец сказал, когда он шел к ее двери. — И не забудь принять лекарство. — добавил он, остановившись в дверях.

Я не буду. Спокойной ночи. Она написала достаточно крупно, чтобы он мог прочитать это с того места, где он стоял, а затем наблюдал, как он закрыл ее дверь, к ее большому облегчению, со слышимым щелчком. Мысль о том, сколько энергии потребуется, чтобы вылезти из постели и доползти до шкафа, чтобы дать понять Мамору, что можно выходить, была не из приятных мыслей.

Усаги посмотрела на свой шкаф и увидела, как дверь открылась достаточно, чтобы Мамору осторожно высунул голову и посмотрел на нее, затем туда, где была ее дверь, и снова на нее.

— Можно сейчас выйти? — тихо спросил он и смотрел, как она кивала головой. «Ты уверен? Думаешь, мне стоит остаться здесь еще на несколько минут? Я действительно... я просто очень не хочу, чтобы меня выгнали из твоего дома». Он закончил еще тише.

Ему не нравилась мысль о том, что придется ждать, пока она достаточно выздоровеет, чтобы выйти из дома, чтобы увидеть ее снова, и он, конечно же, не хотел разрушить хорошее представление о нем, которое ее мать сложила о нем. Он внезапно осознал тот факт, что он на четыре года старше Усаги и прячется в ее шкафу посреди ночи. Он, конечно, никогда не думал, что окажется в такой ситуации, когда будет думать о том, каково это будет, наконец, найти девушку, которая ему понравится. Та, которая потенциально может быть его девушкой.

Усаги слегка прикусила нижнюю губу, беспокойно нахмурившись и обдумывая опасения Мамору. Она также не хотела, чтобы его запретили. Ей даже не хотелось представлять, каково было бы не видеть его, не слышать, как он разговаривает с ней, особенно сейчас, когда они только что узнали и узнавали друг о друге.

Если бы папа вдруг вернулся сюда по какой-то причине и увидел Мамору... это был бы полный кошмар. Я уверен, что это превзойдет все, что мы видели до сих пор из Негавселенной. Она думала, переводя взгляд с Мамору на свою дверь и обратно, ее лицо менялось от беспокойства до решимости, когда она решала, что ей делать.

Она положила блокнот и ручку обратно на тумбочку и с опаской посмотрела на дверь, откинув одеяло, чтобы встать с постели. То, что она была полна решимости убедиться, что ее отец или кто-либо еще в доме больше не заглянет в ту ночь, не облегчало задачу.

Она свесила ноги с кровати, оглянулась на Мамору и сделала небольшой вдох. Последнее, что ей было нужно, это приступ кашля, который мог бы насторожить ее родителей и заставить их проверить ее еще раз. Она собралась с духом и встала, слегка покачиваясь, прежде чем успокоиться. Постояв там несколько секунд, чтобы убедиться, что она не упадет в обморок, она медленно подошла к своей двери. Открывая его, она заправила волосы за уши, чтобы убрать их с лица, прежде чем выглянуть наружу. В коридоре было темно, а дверь в родительскую комнату была закрыта, и из небольшого пространства под ней пробивался лишь слабый свет.

Может, мне стоит убедиться, что Шинго тоже в своей комнате. Подумала она, глядя налево по коридору, туда, где находилась его комната. Для этого нужно больше ходить, но я скорее рискну доползти до своей комнаты, чем столкнуться с тем, что он ворвется ко мне и Мамору. Подумала она, выходя в коридор, держась левой рукой за стену, чтобы держать себя в вертикальном положении во время ходьбы.

Мамору слегка нахмурился, глядя, как Усаги встает. Она выглядела такой усталой и слабой, когда стояла там. Он хотел помешать ей напрягаться, сказать ей, что ее здоровье не стоит того, чтобы его не пускали в ее дом, но тут ее решительное выражение промелькнуло в его голове, и он не смог заставить себя заговорить. Ему просто нужно было напомнить себе, что она не хочет, чтобы его запретили больше, чем он, и что, если берег будет свободен, он может легко снова взять ее в свои объятия, когда он уложит ее обратно в ее кровать.

Так в шкафу спрятался Мамору, тайно замаскированный союзник Сейлор Сенши.

Когда Усаги добралась до комнаты Шинго, она внезапно почувствовала раздражение в горле, и ее глаза расширились от ужаса, когда она поняла, что вот-вот начнется приступ кашля.

Нет! Где леденец от кашля, когда он так нужен?! Она дико думала, пытаясь подавить кашель, чтобы проверить, находится ли Шинго в своей комнате и, надеюсь, спит. Она задержала дыхание, не сделав ни вдоха, прижала левую руку ко рту, как будто это помогло унять кашель, и правой рукой открыла его дверь так тихо, как только могла.

В комнате Шинго было темно, но она все еще могла видеть его, свернувшись калачиком в своей постели и выглядя крепко спящим. Это было достаточно хорошо для нее, поэтому она быстро, но тихо закрыла его дверь и выпустила кашель, который угрожал задушить ее. Она сделала несколько шагов назад к своей комнате, ее руки закрыли рот, когда она использовала стену, чтобы помочь ей вернуться в свою комнату. На полпути ее кашель усилился, стал учащаться, и у нее оставалось мало времени, чтобы отдышаться или дать мышцам живота отдохнуть.

Усаги остановилась, вся ее энергия направлялась на непрекращающийся кашель, когда она соскользнула на пол, опираясь на руки и колени. Она бросила осторожный взгляд в сторону родительской комнаты и заставила себя начать ползти так быстро, как только могла. Если они выйдут, она всегда сможет притвориться, что выходит из ванной, но ей не хотелось этого делать. Она просто надеялась, что они не выйдут.

Ей удалось проползти в свою комнату без того, чтобы ее родители пришли для расследования, она перевернулась на спину и ногой закрыла дверь, когда ее руки поднялись, чтобы снова прикрыть рот. Ее глаза плотно закрываются, чтобы заглушить боль.

Мамору ждал, почти затаив дыхание, пока стоял и выглядывал из шкафа Усаги. Если бы ситуация была иной, он мог бы позволить себе изучить ее одежду и удовлетворить свое любопытство относительно того, что она носила, когда не была в школе, но сейчас он был слишком занят, пытаясь не позволить напряженной тишине выйти из-под контроля. Для него. Вокруг Усаги всегда было тихо с тех пор, как он узнал, что она потеряла голос, но эта тишина

была другой, чем все те времена.

Теперь... теперь она не могла сказать ему, можно ли выйти, не могла сказать ему, возвращалась ли она, не могла сказать ему, вернется ли она не одна, не могла сказать ему, если ей нужна помощь...

Фу! Усаги! Он разочарованно заскулил, что мог сделать только в уме. Где ты? Почему это так долго? Это потому, что вашему телу не хватает энергии? Вы рухнули? Ты без сознания?! Он думал, каждый сценарий приводил его в бешенство все больше и больше. Он уже собирался рискнуть пойти за ней, когда услышал ее кашель. Он сделал паузу, его ноги как раз возле ее туалета. Он хотел подойти к ней, но что, если он выйдет в коридор и столкнется лицом к лицу не только с ней, но и с одним или обоими ее родителями? Он не мог рисковать, но это не мешало ему волноваться за нее и постоянно смотреть в пространство, где она снова появится, когда войдет в свою комнату.

Мамору нахмурился, когда звук ее кашля продолжался намного дольше, чем должен был прекратиться. Очевидно, у нее был еще один из тех непрекращающихся приступов кашля, которые преследовали ее болезнь. Звук становился все громче и громче, пока наконец он не увидел ее. Он почти вздохнул с облегчением, но потом увидел, как она ползет по полу, бесконечно кашляя. Звук ее закрывающейся двери никогда не звучал так сладко для его ушей, как в этот момент.

Он быстро вышел из ее туалета и быстро подошел к ее распростертому телу, пока она продолжала мучиться от кашля. Он подошел к ее левому боку и нежно поднял ее, прижимая ее вибрирующее тело к своему, когда он подошел к ее кровати.

Даже в сложившейся ситуации Мамору нравилось держать Усаги в своих объятиях, тем более, что ощущения были совсем другими, чем в прошлый раз, когда она отдыхала в его объятиях. В прошлый раз он был полон маленьких потрясений и удивлений по поводу того, как ее маленькое тельце чувствовалось в его руках, но он отодвинул их на задний план, когда ломал голову над тем, как она заболела, и ситуацией с ее друзьями. Теперь ничто не мешало ему наслаждаться легким весом ее тела. Он все еще не был уверен в том, как она заболела, но он знал ситуацию с ее друзьями, и ему помогало наслаждаться ее присутствием в его объятиях его недавно осознанные чувства к легкой загадке, которой была Усаги.

С этими чувствами пришло напоминание о том, что она написала ему. Едва он вздрогнул, как его прервал стук, но он видел, как долго это длилось, и это давало ему даже больше надежды, чем радостное удивление, которое она проявила при его появлении, и застенчивая счастливая улыбка, которой она озарила его путь, приняв его розу. Может быть, сегодня вечером он уйдет из ее дома с девушкой. Подружку, которая была бы рада его видеть и понимать его настроения и, возможно, мысли.

Усаги отвлеклась на ее кашель и вызванную им боль, но не настолько, чтобы не заметить тепло и ощущение тела Мамору, когда он снова держал ее в своих объятиях. Она не замечала этого раньше, но чувство безопасности, которое она всегда чувствовала, когда Такседо Камен держал ее, теперь было очень сильным. Конечно, она была в объятиях упомянутого мужчины в

маске, так что понятно, почему она так себя чувствовала.

Это много значило для нее... это чувство безопасности, с тем, как она себя чувствовала в данный момент. Ей было так больно, она чувствовала себя такой слабой, и хотя Мамору совершенно ясно дал понять, что он к ней чувствует, она все еще нервничала из-за их вновь открывшихся чувств и того, куда они пойдут, поэтому она была очень благодарна за утешительное чувство. он ее предоставил.

Через несколько мгновений, когда ее непрекращающийся кашель подходил к концу, Усаги почувствовала мягкость своего матраса под ней и теплые руки Мамору, медленно ускользающие от нее. Она открыла глаза, пытаясь отдышаться, не вызывая нового кашля, и смотрела, как он натянул на нее одеяло, прежде чем вернуться туда, где он сидел, прежде чем ее прервал отец.

"У тебя все нормально?" — тихо спросил Мамору, закончив устраиваться в своей позе, вглядываясь в ее лицо, как будто ответ был там.

Усаги повернулась к тумбочке слева и потянулась, чтобы взять блокнот и ручку. Она скользнула ногами вдоль одеяла, подняла ноги и использовала их, чтобы подпереть свой блокнот, чтобы она могла писать.

Я в порядке. Я просто очень хочу, чтобы этот кашель прекратился. Она писала со вздохом. Еще раз спасибо за леденцы от кашля. Они будут моими лучшими друзьями, пока я не поправлюсь. Она продолжила с легкой улыбкой. В любом случае, оба моих родителя в своей комнате, а мой брат спит, так что у нас все будет хорошо, пока мы не будем шуметь... ну, пока ты не будешь шуметь. Она закончила и протянула ему блокнот.

«Я просто рад, что могу хоть как-то помочь тебе поправиться. Просто дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится, и я достану это для тебя». — сказал он, возвращая ей блокнот. «И я позабочусь о том, чтобы вести себя как можно тише, что не должно быть слишком сложно, так как я буду читать». — добавил он с мягкой улыбкой, которая стала еще шире, когда он увидел, как на ее лице разлился легкий румянец.

Усаги оторвала взгляд от Мамору, просматривая свой блокнот до страниц, которые она написала для него, затем протянула ему блокнот, пытаясь сдержать румянец. Это не сработало, поэтому она сдалась и отвлеклась, выуживая леденец от кашля из сумки, спрятанной под одеялом.

Улыбка не сходила с лица Мамору, когда он снова взял блокнот, чтобы заново начать читать мысли и чувства Усаги о нем. Его улыбка постепенно потускнела, но это было только из-за того, что он сосредоточился на написанных ею словах.

«Мой Бака... мой Мамору... мой Такседо Камен», — читал он, мысленно представляя ее мягкий голос, говорящий с ним, его сердце забилось чуть быстрее от собственнического чувства в ее словах. Ему это понравилось. Чтобы, наконец, кто-то объявил его своим. Его до сих пор

поражало, что этим человеком оказалась Усаги. Его Оданго Атама.

Все началось с того, что ты беспокоился о моей травме. — Почему он так беспокоится? Я поинтересовался. Некоторые люди увидели бы, что я достаточно в порядке, чтобы передвигаться, и остановились бы на этом... но не ты. Вам нравится быть очень тщательным, не так ли? Особенно, когда ты беспокоишься. Я задавался вопросом, как много ты думал обо мне, чтобы быть таким обеспокоенным, но потом мне просто нужно было подумать о той ночи, чтобы понять, ведь я тоже думал о тебе.

Мне было интересно, действительно ли с тобой все в порядке, или ты просто не хотел, чтобы я волновалась. Даже с учетом того, что ты такой бака, я не хотел нести ответственность за причинение тебе какой-либо боли.

Ее слова были именно тем, чего он от нее ожидал. Хотя, если бы он прочитал это несколько дней назад, он был бы крайне удивлен тем фактом, что она не хотела причинять ему никакой боли. Несмотря на то, что ему нравился этот голубой огонь в ее глазах, которые вспыхивали, когда она злилась, он видел выражение, которое предполагало, что она хочет причинить ему всевозможную боль.

Возможно, это было сгоряча. Он задумался. Кто знает, что она увидела в моих глазах, когда мы обменивались оскорблениями. Он думал, продолжая читать ее слова.

Потом ты вернул меня домой, когда я не мог сделать это сам. Это меня не удивило. Я не мог представить, чтобы ты не помогал кому-то, даже если он тебе не нравился. Что меня на самом деле удивило, так это то, что ты остался и позаботился обо мне. Он прочитал и слегка нахмурился. В то время это тоже удивило его. Это была мгновенная реакция на страх, который он увидел в ее глазах. Он не мог просто бросить ее после этого, и ее мать выглядела почти запаникованной. Ему это совсем не понравилось, и он знал, что единственным выходом было справиться с лихорадкой Усаги.

Мамору продолжал усердно читать написанные ею мысли и чувства. Ее описание его беспокойства по поводу ее разорванной дружбы с тремя ее лучшими друзьями. Она была удивлена и потрясена тем, что он хотел знать, что произошло и почему. Казалось, она не могла понять, почему его это вообще волнует. Почему он взял на себя смелость попытаться помочь, но его объяснений о том, как ее личность изменилась к худшему и как ему это не понравилось, казалось, было достаточно, чтобы убедить ее открыться ему.

Ну... она раскрылась, как могла, и я узнал, что у нас есть что-то общее, чего нет ни у кого из наших друзей и о чем он не знает. Он подумал с мысленным вздохом. Я понимаю, почему ее друзья не поняли бы. Они, вероятно, даже не подумали бы об этом, прежде чем отвергнуть это как ее страх перед взрослой жизнью. Это или боязнь своих обязанностей как сэнши. Он раздраженно подумал, прежде чем перейти к следующей странице.

Только недавно я начал понимать, что испытываю к тебе чувства. Честно говоря, я думаю, что только сейчас осознал это из-за времени, которое мы провели вместе, и различий, которые я

вижу в тебе. Я привык к злему, холодному, раздраженному, далекому бака; не тот милый, заботливый, внимательный, вдумчивый Мамору.

Успокаивая горло мятными леденцами от кашля, Усаги смотрела, как Мамору читает ее слова. Она не планировала смотреть на него, пока он читал, но ничего не могла с собой поделать. Она не привыкла видеть эмоции на его лице, и прямо сейчас они мелькали, словно пытаюсь наверстать упущенное. Счастливая улыбка, которая появлялась и исчезала, пока он читал, была ее любимой. Она и раньше видела, как он улыбается, в основном, когда дразнил ее, но эти улыбки были еще лучше. Они казались больше и ярче, и его лицо смягчилось от почти раздраженного взгляда, который он, казалось, повсюду носил с собой.

Он должен меньше хмуриться и чаще улыбаться. Она подумала с почти безмолвным вздохом, откидываясь на подушку и вытягивая ноги. Улыбаться легче. Требуется меньше усилий. Она лениво подумала, наблюдая, как хмурится его красивое лицо. Может быть, ему просто нужно больше поводов для улыбки... или кто-то, кто заставил бы его улыбаться. Она подумала, как его вчерашние слова прозвучали в ее голове. «У меня не так много друзей, поэтому у меня не было слишком много возможностей просто поиграть и повеселиться».

Я изменю это! Она решительно подумала. Я мог бы изменить его быстрее, если бы я не был болен! Фу! Почему я вообще болен?! Я никогда не болею. Может показаться, что это не так, но я забочусь о себе. — подумала она со вздохом, перешедшим в зевот. Посмотри на меня. Я полон решимости заставить Мамору улыбнуться, сделать его счастливым. Никогда бы не подумала, что однажды действительно захочу заставить его улыбнуться. А теперь... и сейчас... — подумала она, глядя на умиротворенное выражение лица Мамору. Теперь, кажется, я не могу перестать думать о его улыбке. Эти улыбающиеся губы. Эти удивительно мягкие губы... Ее мечтательные мысли умолкли, когда ее левая рука слегка коснулась щеки, которую Мамору поцеловал. Ее глаза закрылись, и румянец выступил на ее щеках, когда она попыталась вспомнить каждую деталь поцелуя, который он подарил ей на балу принцессы.

Мамору слегка усмехнулся ее словам. Он задавался вопросом, действительно ли им потребовался день или около того, чтобы на самом деле быть добрыми друг к другу и, возможно, немного поболтать, могли ли они понять свои чувства друг к другу раньше. Возможно, они могли бы быть вместе все это время.

Наверное, нам просто нужно наверстать упущенное время. Он задумался, а затем слегка покачал головой. Я забегаю вперед. Мне нужно закончить чтение. Мне нужно раз и навсегда узнать, что она думает обо мне. Он подумал, когда нашел, где остановился, и продолжил читать.

Он читал ее описание того нервного действия, которое он теперь на нее производил, но в то же время и того, как он успокаивал ее. Он не знал, как к этому относиться. Он был уверен, что заставлял многих нервничать, но не знал никого, кто бы утешался им.

Вы делаете сейчас. Спокойный и уверенный голос прошептал в его голове, и он моргнул в легком замешательстве. Голос звучал так же, как и он сам, но отличался по тону. Чувствовала ли какая-то его часть уверенность в том, что теперь Усаги будет играть более важную роль в

его жизни? Он не знал, но, может быть, узнает к концу ее письма.

Она сказала ему, что только сейчас у нее появилось время и желание по-настоящему подумать о том, почему они всегда спорили, кричали, оскорбляли и дразнили друг друга. Он мог ощутить застенчивость в ее словах, когда она подумала, что могла вести себя таким образом, потому что ее разум не хотел видеть влечение, которое она испытывала к нему, и что со временем это стало привычкой каждый раз, когда она видела его.

Оданго привлекает меня. — подумал он с легкой удивленной ухмылкой. Он обязательно даст ей понять, что он думает по этому поводу, и что это чувство определено было взаимным.

Потом я проснулась и нашла красивую красную розу и письмо. Я не уверен, что хочу это признавать, но то, что вы написали, заставило меня плакать. Ну, я думаю, это нормально признать это, раз ты сделал то же самое. Так или иначе, эти слова проникли прямо в мое сердце. Я никогда не знал, насколько Такседо Камен меня понимает... насколько ты меня понимаешь. Кажется, ты понимаешь меня лучше, чем девушки, которые должны быть моими лучшими друзьями.

Это было что-то еще, к чему Мамору не знал, как относиться. Ее друзья должны понимать ее лучше, чем парень, с которым она всегда спорила. Даже теперь, когда он знал другую половину истории, он все еще не мог понять, почему это происходит с ней. Откуда исходила вся враждебность? Особенно от Рей?

В какой момент их дружба превратилась из игривого поддразнивания в словесные оскорбления? Он задумался, взглянув на Усаги и увидев ее закрытые глаза и мечтательное выражение лица. Может, мне стоит поторопиться, пока она не уснула. Он подумал, но потом заметил румянец на ее щеках и понял, что, может быть, она думает, а не засыпает.

Его глаза снова остановились на ее покрасневших щеках, и у него возникло сильнейшее желание увидеть, такие ли они мягкие, какими он их помнил.

Мне нужно закончить чтение... Его мысль замерла, когда он почувствовал, что поднимает правую руку. Он наблюдал, как его пальцы коснулись ее левой щеки, медленно открывая глаза.

«Извините. Я ничего не мог с собой поделать». Он сказал мягко, когда его пальцы распрямились, позволив своей ладони покоиться на ее теплой мягкой коже. По крайней мере, он знал, что ее лихорадка не вернулась... и что ее кожа была такой же мягкой, как он помнил.

... идеальный черный смокинг...эта белая маска, обрамляющая глаза глубокого голубого цвета океана...черные как смоль волосы, привлекающие внимание к этим...этим таинственным глазам. Эти сильные руки, ведущие меня к отдельному месту... его красивое лицо все ближе и ближе... а потом... ее пошаговое описание оборвалось, когда она почувствовала, как сильно теплая, мягкая, но слегка твердая кожа проходит по ее лицу. Она медленно открыла глаза, словно очнувшись ото сна, и прислушалась к его словам. Они прошли прямо над ней. Она ничуть не возражала и хотела передать это ему.

Усаги колебалась всего мгновение, прежде чем поднять свою левую руку, чтобы накрыть его, и мягко улыбнулась. Она была удивлена, как легко было улыбаться ему, как легко было проявлять к нему привязанность, как легко оказалось, что он нравится. Было особенно удивительно видеть, как легко Мамору проявлял к ней привязанность. Может быть, она спросит его, когда он закончит читать.

... а затем мягкие губы коснулись моих... верно? Она продолжила свое описание с некоторым замешательством, закрыв глаза, пытаясь представить свой первый и единственный поцелуй. Но, к ее горю... она не могла. О, она помнила тот факт, что он поцеловал ее, она просто не могла вспомнить, на что это было похоже. Почему? Почему? Когда я забыл?! — подумала она, грустно нахмурившись.

Мамору ответил на улыбку Усаги, когда теплое чувство разлилось по его телу от ощущения его руки, зажатой между мягкой кожей ее лица и руки. Однако вид хмурого взгляда, медленно формирующегося на ее лице, заставил его улыбку рассыпаться. Что случилось? Почему она вдруг стала грустной?

"Что случилось?" — спросил он и увидел, как ее глаза открылись и на ее лице отразилась печаль.

Усаги покачала головой на его вопрос и была немного рада, что не может говорить. Что бы она сказала? «Мне грустно, потому что я не могу вспомнить, что я чувствовал в тот раз, когда ты поцеловал меня на балу». Да правильно! Она была бы совершенно смущена.

— Это что-то, что я могу исправить? Она услышала его вопрос и покраснела. Это было определено то, что он мог бы исправить, но она не хотела, чтобы это произошло именно так. Я должен буду записать это. Она подумала, когда отвернулась и кивнула головой.

«Ну, тогда расскажи мне», сказал он, схватив блокнот свободной рукой и протянув ей. "и я позабочусь об этом. Что бы это ни было." Он закончил, мысленно удивившись своей непреклонности. Ждать. Что, если она думает, что я могу это исправить, но на самом деле я не могу? Он неуверенно спросил себя прямо перед тем, как чувство спокойной уверенности охватило его разум.

<http://tl.rulate.ru/book/74903/2223803>